

ПАВЕЛ НЕРЛЕР

*Високосные
кря́ги*

СТИХИ
1970–2012 гг.

ПАВЕЛ НЕРЛЕР
Високосные крúги
Стихи 1970–2012 гг.

ПАВЕЛ НЕРЛЕР

Високосные крúги

Стихи 1970–2012 гг.

ВОДОЛЕЙ • МОСКВА • 2013

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 821.161.1
Н54

В оформлении использованы работы *Алексея Неймана*

Нерлер П.

Н54 Високосные крúги: Стихи 1970–2012 гг. – М.: Водолей, 2013. – 176 с.

ISBN 978–5–91763–153–0

Павел Нерлер – географ, историк, писатель, литературовед, председатель Мандельштамовского общества. Ученик Арк. Штейнберга, участник группы «Московское время». Его первая книга лирики «Ботанический сад» вышла в 1998 г. и содержала стихи, написанные не позднее 1987 г. Более двадцати лет П. Нерлер «молчал», но в 2009–2012 гг. появились новые стихотворения. Из сочетания «старых» и «новых» стихов и сложилась эта книга. Стихи и избранные переводы расположены в ней хронологически и разбиты на разделы, соответствующие четырехлетним високосным циклам, чем и обусловлено заглавие книги – «Високосные крúги».

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 821.161.1

ISBN 978–5–91763–153–0

© П. Нерлер, 2013

© А. Нейман, оформление, 2013

© Издательство «Водолей», оформление, 2013

ОТ АВТОРА

С одной стороны, писание стихов – высшее счастье. Как и то, что в молодости их вызывало – любовь, дружба, путешествия.

Именно стихи – свои и чужие, споры и разговоры о них одарили меня дружбой и многолетним общением с такими замечательными собеседниками и людьми, как Аркадий Штейнберг, Семен Липкин и Арсений Тарковский, как Ефим Эткинд, Надежда Мандельштам и Наталья Штемпель, как Александр Сопровский, Бахыт Кенжеев и другие сотоварищи по «Московскому времени», как Николай Поболь, Андрей Трейвиш и Наум Клейман, как Семен Заславский, Эсфирь Богданова или Женя Пермяков. И многие другие, здесь не упомянутые.

Состояние поэта всегда ощущалось мною как первичное по отношению к любым иным занятиям и ипостасям, не исключая и сугубо профессиональную и публичную деятельность в качестве географа, историка или филолога.

Но само это состояние вовсе не производная от непрерывности процесса стихослагания. Скорее, наоборот.

С годами я пришел к убеждению, что, оставаясь поэтом, стихи писать как раз и не следует: если можешь не писать – не пиши! А если уж пишешь – то тогда и только тогда, когда сила переживания и погудки такова, что не писать не остаётся уже никакой возможности.

Да и занятия Мандельштамом накладывали определенные ограничения и обязательства, формируя вполне определенные и весьма строгие критерии. Применительно к себе они означали безжалостное отсеиванье и вычёркивание строк, строф, стихотворений и целых циклов.

Но все-таки поэтическая аскеза ещё не целибат, и главное не в этом. Хотя я строго придерживался сформулированного выше правила, – и после стихотворения на смерть Екатерины Константиновны Лившиц, вдовы Бенедикта Лившица, написанного в ноябре 1987 года, воздерживался от стихослагания почти 25 лет.

Если что-то всё же начинало набарматываться, то, конечно же, записывал. Но, если спустя какое-то время «бормотание» засыпало, – не будил.

И только в конце 2000-х годов смерти друга (Жени Пермякова) и отца переломили этот последовательный стоицизм. С годами источники неудержимости погудки не слишком переменились, но изменилось их соотношение: на первые роли выдвинулись смерть близких людей и вообще человеческое горе, а к «географии» добавилась «история».

Простая временная последовательность всегда казалась естественнейшим и наилучшим способом композиции лирической книги. Но, когда в 1998 году я собирал свой единственный поэтический сборник «Ботанический сад», то не смог прибегнуть к нему, ибо сборник включал в себя остатки сразу нескольких книг, разрушенных строгостью отбора. Поэтому он был перекомпанован по иным – тематическим – основаниям, и место для хронологизма, и то не строгого, оставалось только внутри разделов.

Название одного из них – «Високосные крúги» – вынесено в заглавие этой книги. Дело в том, что всё происходившее и вызывавшее стихи не только существовало во временной связи, но и обладало определенной цикличностью – четырёхлетней, с кульминациями именно на високосных годах. Отсюда разбиение книги на части, соответствующие таким четырёхлетиям.

Это совершенно иная композиция – одновременно хронологическая и кольцевая.

Состав почти тот же, что и в книге «Ботанический сад», – за вычетом одного перевода из Рильке, но с добавлением нескольких стихотворений, что были написаны в последние годы.

Попавшие в книгу переводы идут наравне с прочими стихотворениями.

Все стихи датированы. Многие писались или правились на протяжении очень долгого времени, но решающей являлась именно первая дата – дата погудки.

31 июля 2012 г.

П. Н.

Посвящается С. Ц.

1
9
7
0

1
9
7
2

* * *

Купила мать
живую рыбу.
Ни одного
убийцы в доме...

1970

ОРГАННЫЙ ЧИН

Ж. Гийу

Органый чин консерваторский
расправил плечи и вздохнул,
огромный альбатрос приморский
через партер перемахнул.

От мануала к острым окнам
нервюры звуков пролегли,
и запахи цветов засохли,
что, помнишь, под окном цвели.

От Эйзенаха до галёрки –
повсюду стиснутые шторы
чепцовой, бюргерской земли.

А зал в растерянность закован,
Басы судьбу его вершат
И память отзвуком знакомым
и незнакомым ворошат.
Сквозь строй из алебард и луков,
шеренги кресел и рядов –
по залу кружат хлопья звуков,
живые лепестки цветов.

В просторных ямбах пассакальи –
не смерть они себе искали,
но каждый умереть готов.

О, музыка! – дымок курился
в твоей регистровой глуши,
и нежность робко шевелится
в углу спеленатой души.
Она нема и слов не знает...
Сходясь воровкой водяной,
аккорды воздух рассекают
и умирают за стеной.

Гоня звуки по сугробам,
шагает музыка за гробом,
за буклеватой сединой.

...Но органист озвучит нежность,
любви очнутя голоса.
Превозмогая безмятежность,
на миг откроются глаза.
Слеза набухнет. Круглой нотой
взмётнется вверх. Ей все близки...
Но для продления полета
любви губительны тиски.

И, сжаты смертными тисками,
взрвут педали под носками,
и стен обрушатся куски!..

Мятеж подавлен. Кровь не мучит.
Как будто не было тех лет.
Но вновь орган судьбу озвучит:
Прощенья нет! Прощенья нет!..

И выжмет кода ощущение
искусанных до крови уст:
на самом гребне очищенья –
испущен дух и воздух пуст!..

Раздавлен жёрновом распятья,
он тихо вскрикнет:
«Братья! братья!..»
– и промолчит сорокоуст.

1971–1977

* * *

Раздроблено время в песок без остатка,
расплющено сердце, и ребра как вата,
а пальцы царапают мертвую кладку,
и ходят кругами застенки Токкаты.

Мазутная тьма. Я в Мальстреме событий.
Багровое пламя мерцает зловеще.
Не надо обманов, не надо наитий,
ни боли не надо, ни памяти вещей...

Но вихрятся звуки в спиралях Токкаты,
песчинки звенят, колеи заметая,
и плоское сердце из рёбер покатых
в оконную щель насовсем улетает.

1971–1975

НОЯБРЬ

Озябший лес, заиндевелый...
Потухший лист и не шуршит...
Как полыхал! О, как горел он! –
но память им не дорожит.

Людским ошпаренный забвеньем,
летит он в оспинах гниенья,
в ажурных стынет кружевах
и молча канет – в тлен и прах...

Земля запьет его снегами
и, наскоро переварив,
распределит между корнями
деревьев, трав и хлебных нив.

1972

1
9
7
3

1
9
7
6

* * *

Как сыро позади!
Был путь упрям и сложен.
Мы снова песню сложим
и разведем костер.

А песня из груди –
как лезвие из ножен:
иди, будь осторожен!..
И ветер звуки стер.

1973–1975

МОСКВАРЬ

*Во мне проклюнулся однажды
замосквореченский снегирь...*

1

Стада закатов сечь крестами,
и зорями сжигать кресты,
и куполиными листьями
шуршать с кремлевской высоты –
таков удел твой!..

Над Ордынкой
плывет гудошная гроза...
И кремль в италийской дымке
величием слепит глаза.

2

А в Столешниковом ночью
под бульдозерный разбой
воют войлочные ключья
и обойный разнобой.

Как побитая пшеница –
половицы на песке...
И Плющиха не жилица –
еле-еле шевелится
жилка на виске.

3

В тысячелюдном доме
людям так одиноко!..
Бодро лают собаки.

1973

* * *

М. Ф.

Пока мы говорили – рассвело.
От свежести тебя слегка знобило.
Мост выпрямил отекавшее крыло,
и солнце незаметно пробудило
далекий лес, далекое село...

Нас развело не то, что единило.
И в поднебесье голову подняв,
я выдохнул бессонную усталость...
Мне показалось, я как будто прав.
Мне показалось...

1973–1976

РАЗГОВОР С ГРИНОМ

...Мы будем помнить и в летейской стуже,
что десяти небес нам стоила земля.

(О. Мандельштам)

1

Меняет снасти, чистит трюмы
и отдыхает галиот.
О чём ты, сказочник угрюмый?
Зачем ты выдумал полет?

Зачем, отодвигая ветку,
ты искушаешь нас мечтой?
Ведь знаешь, что нельзя из клетки
взлететь под купол голубой!..

2

Страдалец – по волнам бегущий,
провидец – по земле сухой
шагающий
и стерегущий
мешочек с пылью золотой!

Забудь напасти ты и распри,
сверни с дороги в никуда!..
...А на плече клекочет ястреб,
и голоса в порту суда.

А в Лиссе, Зурбагане, Вятке
всё те же нравы и порядки.
Мечта прокладывает путь,
Рискуя голову свернуть.

3 СТАРЫЙ КРЫМ

Ползет по яблоне улитка,
и розовый бутон цветет.
Скрипит без усталости калитка –
кого нелегкая несет?

В глухом саду синеют вишни,
и нравы, может статься, Вы:
здесь моря нет, но море слышно
сквозь шелестение листвы.

За крепким самоварным чаем
мы вместе сумерки встречаем:
не надо, ястреб, не грусти –
на то и уголь, чтоб цвести!

1974–1979

НОВЫЙ ГОД

Гляжу на улицу и ощущаю ясно,
как за спиной вернулся старый год,
как гасит он коптящие напрасно
гирлянды и соцветия невзгод.

А новый год, как новый гад, крадется,
скользя и падая по мостовой,
ему ещё придётся и придётся
сводить и разводиться меня с тобой.

Ему ещё работать и работать –
ворчать, кричать, ворочать, ворошить...
Куда девается страданий наших копать?
где копится? зачем мешает жить?

1974

* * *

А. Нейману

Все, что я в жизни раздобыл –
колоду лет и масть судьбы,
и безоружную округу –
в крутую грязь, долой с арбы
я сброшу, если нужно другу.

Но горько мне, уж мы не те,
мы исчезаем в пустоте,
жестокость наша так невинна!..
И мы шагаем по черте,
секущей мир на половины.

Не нам судьбу свою решать,
мы не умеем помешать,
но понимаем отрешённо,
что этот мир душелишённый
легко на атомы разжать...

Царапнет голос тишину,
и ляжет зернышко к зерну,
а в ухо ляжет капля яда:
– Ну что ты, друг мой, что ты, ну?!..

А другу ничего не надо...

1974

ФАНАГОРИЯ

А. Ананьевой

Под низким азовским звездинцем,
боспорского близко царя,
я прожил монаршим любимцем
страницу календаря.

Мне чайки кричали в тумане
о прошлом соленой земли,
и добрые руки Тамани
на плечи тихонько легли.

Меж зеленью вод и холмами
двухтысячелетних могил –
я с греками дружбу водил,
и солнца сияли над нами,
пока я друзей находил.

1975

ЛУКОВНЯ

О. Розенфельдт

Там водорослей зыбкие начёсы
ласкают становые валуны
там юрких водомеров табуны
ткут полотно из призраков белёсых.

Там речки полусвязное реченье
мурлычет и баюкает зарю...
Меня несёт бесстрастное течение
вниз по реке и вверх по букварю.

1975

КОМАРИНЫЕ РЕКИ

1

Гудят поёмные луга,
пчелиною качаясь дрожью,
вернулись реки в берега,
и в пыль смолосось бездорожье.

Снует июль, сметав стога,
повсюду ягоды рассыпав,
а мне опять пора в бега
от полувздохов, полувсхлипов...

А в тундре мошкара да мга –
неромантическая гамма,
синее грязь на сапогах,
и мох пружинит под ногами.

2

Белёсых суток считывая гранки,
учебник тундры нехотя открой:
прекрасен мир и с северной изнанки,
где царь – комар, а человек – герой!

Здесь каждый вздох кочкарником оброс,
пушится ягель и болото мшится,
грибная мякоть ломко шелушится
и не молчит стоярый кровосос.

Как мщенье верное, как близкая погоня,
он в бритвокрылом воздухе звенит,
иголками по коже семенит
и в недопитой капле крови тонет.

3

Когда отходит август по стерне,
мне часто снятся мартовские пашни –
как будто остов невзведенной башни,
иль добрый стих, набросанный вчерне.

А лето, словно рыба большая,
на жёлтый лист затравленно клюет,
и берегом смородина бредет,
уремный мед с багульником мешая.

Ну что ж, прощайте, кочки-кореша,
мошка-морошка, сапоги-заброды.
Рули домой, глотнувшая свободы,
щетиною обросшая душа.

1975

* * *

Все, что сеем, – взойдёт:
 через год, через два, через три...
Золотого зерна туюсок попопней набери –
и живи, не жалей
 добрых дел, поцелуев и строчек,
и не бойся ни смерти, ни жизни,
 ни лжи, ни отсрочек!

Беспорядочный строй
 отстоится и станет системой,
и вспорхнувшее слово
 откликнется гулкой поэмой,
а усталое семя воспрянет
 опять и опять...
Все, что сеем, – взойдёт:
 через век,
 через три,
 через пять!

1975

* * *

А. Сопровскому

Речка Колокша ль виновата?
Иль окна гундосый проём? –
мы о разном с тобой поём,
два таких непохожих брата.
Колобком от недобрых рук,
кувырком от недоброй воли,
ты хватаешь из сердца колья –
на судьбу, что кишит вокруг.
Ну а я выверяю шаг,
колешу свои окоёмы..
До тебя километры дрёмы,
сотни споров и передраг.

1975

КЛАВИР

А. Любимову

1

...А пальцы – в захрустальном напряженье,
являют клавиш прихоть и приказ.
И в каждом звуке – сердцеприношенье,
жужжанье муз и разрешение глаз.

И вот каданс – неистовствует шея,
оцепенели нотные листки,
гвоздики пробудились, хорошея,
и пальцев разлетелись лепестки.

2

Вот Куперена оперенье,
дробнолетающий прах и пух.
Звук передергивает зренье
и выдает себя за двух.

А вот – стремительный Скарлатти,
сухой, изысканный Рамо...
Всё нужно выплеснуть некстати,
и чтобы пенилось само.

1975–1978

ПИРОСМАНИ

1

Налево – клеенчатый воздух,
направо – грошовый духан.
Усатая очередь – тостам,
недолгая жизнь – петухам!

Так сядем на крепкие стулья!
Так выпьем за очи косульи!
Неси поскорее вино,
духанщик и друг мой Ваню!

Ты с нами не выпьешь, Нико?
Зачем ты сидишь далеко?..

2

Когда б ни родни кривотолки
и, самое страшное, – плач,
на что мне сухие иголки
не мною решённых задач?

И я бы, наверное, смог бы
раскрашивать суриком догмы,
под лестницей гулкой дышать
и воду с водою мешать...

Дремучее бурое время,
и кисть неподвижна в руке.
А славы пустое беремья –
как мёртвый жираф в кулаке.

1975

* * *

...В наш дерзкий век инструкций и колготок
так колок день, так мелок околоток,
что хочется не делать ничего!
Да, хочется не делать ничего...

А в черноте сияния синели,
И поезд вырывался из тоннеля,
как из гортани ямба, и вёз людей,
размеренно качаясь, вёз людей.

В размеренности нет очарованья,
и головы мотались, как чурбаны,
и нет подтекста в грохоте колес,
и поезд вёз меня по радиусу, вёз.
вёз по кольцу – и в жерла переходов
швырял копеейкой бросовых расходов...

Здесь крылья вырастают – для чего?
Так хочется не делать ничего!..

1975

ПАМЯТИ ИСААКА МАЕРГЕЙЗА

Мы родились, не выбирая где,
не ведаем о месте смерти нашей:
так почему в житейской череде
мы шествуем с улыбкой черепашьей?

Летейский холод. Всё равно пловцу.
И вся-то боль – далеким провожатым...
Но отчего по жёлтому лицу
Гуляет ветер, как по ржи несжатой?

И отчего, согласными скребясь,
ища глагол, с закрытыми глазами, –
не рвётся перерезанная связь,
а всё сочтётся поздними слезами?..

1975

ИЗ РАЙНЕРА-МАРИЯ РИЛЬКЕ (Из книги «Часослов»)

Ich habe viele Brüder in Sutanen...

Как много братьев у меня на юге
живет в монастырях, и в тень от лавров
оправлена сутан их чернота.
Мадонны им привычны, и я грежу
о богоносных юных Тицианах...

Зачем я так с собою откровенен?
Мой смутный Бог подобен паутине
корней, сосущих молчаливо землю.
его крылами поднимаясь в небо,
Я покидаю навсегда деревья,
что подо мной широко распростёрлись
и машут мне ветвями на ветру.

1975

Wir dürfen dich nicht eigenmächtig malen...

Не нам тебя писать по произволу,
о Сумрачный, откуда вышел свет.
Ты прячешься за струнами виолы,
замешан в глину и введён в сонет,
лишь в сердце не было тебя и нет.

Полотна воздвигая словно стены,
штрихами башен прошлое столбя,
мы не щадим клокочущие вены, –
и лишь тогда ладони вдохновенны,
когда мозолями касаются тебя.

1975

Ich lebe meines Wesens Dunkelstunden...

Я так люблю ту сумрачную пору,
когда мой дух с самим собой толкует,
когда, как будто почерк в старых письмах,
мне жизнь моя далёкой и прошедшей,
забытой, как легенда, предстоит.
И знание приходит, что я внемлю
судьбе иной, гораздо больше этой...

И словно дереву над детской могилой,
мне открываются утерянные грёзы,
в последний миг забытые младенцем.

1975, 1987

Du Nachbar Gott, wenn ich dich manchmal...

Я за тобой давно уже слежу,
сосед мой Бог, и, если не расслышу
дыхание твое, – тебя я разбужу
протяжной ночью грубым стуком в крышу.

И если некому воды тебе подать,
нахлынет одиночество иль просто так, –
знай, что я рядом и готов к тебе вбежать,
помочь готов, – подай лишь только знак!

Нелепая и тонкая стена
нас разделяет и стенанья глушит!
Но, может статься, в эту ночь без сна
твой слабый зов её разрушит?!

Её сложили из Твоих икон,
стоящих пред тобой, как письмена,
и если развести во мне огонь,
то и во мне забрезжит глубина!..

Но разум мой отнимется, скорбя, –
без родины, без крова, без тебя.

1975

Und du wartest, erwartest das Eine...

И ты ждёшь пробуждения камня,
перемен ожидаешь в судьбе.
До предела раскроются ставни,
и придвинутся бездны к тебе.

Но смеркается в книжном киоске,
золотят корешки стеллажей.
Ты грустишь о своем отголоске
и о прожитой жизни полоске,
и о женщине, вновь не твоей.

Сам ты видишь теперь: это было!
На холме пред тобою стоят
Страх ушедшего года и сила,
сила ужаса, образ милый
и молитвы неспешный обряд.

1975

Da neigt sich die Stunde und rührt mich an...

И час изогнулся, коснулся меня,
и колокол гулко вздохнул,
и вспенились чувства, неровности дня
чеканя под тающий гул.

Ничто не свершилось. Всё только и ждёт:
увиду, увиду ли я?
И каждую вещь мой зрачок обожжёт,
и каждая малость – моя!

По золоту абрис высокий веду,
любовью неясной маня.
мне всё по плечу...
Но у всех на виду
душа покидает меня.

1976

Ich liebe mein Leben in wachsenden Ringen...

Я жизнь полюбил за широкие круги,
растущие срезы во плоти мирской.
О, где ты, последний, желанный, упругий?
Дождусь ли я встречи с тобой?

Вкруг Бога кружусь я, вкруг гордого замка,
но только не знаю пока,
чем сам становлюсь, – но ни звука, ни знака
о том, за веками века.

1976, 1997

* * *

С. Ц.

Могучий вздох. Могучий выдох.
Могучих бицепсов бугры.
Покоясь на кариатидах,
живут несхожие миры.

Они живут волчком по кругу,
и нет отказа им ни в чём.
И руки тянутся друг к другу,
сведённые параличом.

1975

* * *

С. Ц.

Вновь на полу рассыпана картошка,
наверно, вновь слетелись соловьи...
Едва ли помнит лунная сторожка –
шаги твои.

От сырости растрескалась известка,
пищат галчата где-то в вышине...
Я знаю: будет горько, будет жёстко –
окно в окне.

А утром я от солнца онемею,
протру глаза и в старицу нырну...
Я ни забыть, ни помнить не умею –
тебя одну.

1975

* * *

Ты ушла в телефонные дали,
чёрный диск раскрутился назад.
Ты вернёшься ко мне едва ли
сквозь октябрьский листопад.

По Москве мы с тобой не бродили,
не глядели на пляшущий лист
одинокий,
 по снежной пыли
нас не мчал говорливый таксист...

Ты меня позабудешь однажды,-
да не будет тебе тяжело.
Каждый лист одинок,
 и каждый
носит леса всего тепло.

1976

ДОНСКОЙ МОНАСТЫРЬ

Над монастырскою стеной
зубчатый воздух распластался.
Со мною август расквитался
полынной горечью степной.

Я вспомнил Строгановский двор
и давних писем робкий почерк,
и вся судьба попала в створ
любимых глаз и нежных строчек...

И я зову тебя, ловлю
твой взгляд и слезы утираю,
и снова говорю: «люблю»...
Кому? – и сам ещё не знаю...

1976

* * *

Л. Жарову

Жена стирает форменные брюки,
висит на плечиках казённое сукно.
Унылый взгляд, и цвета хаки руки,
и в духоту раскрытое окно.

Штатает нас под тяжестью свободы,
под спудом сохнут вера и талант.
За эти зря потраченные годы
с кого ты спросишь, старший лейтенант?

С кого ты спросишь? Кто тебе ответит?
На небе рота звезд неясно светит,
к утру сменяясь службой голубой,
и снайпер водит мушку за тобой.

1976

* * *

С. Ц.

У твоей подруги – умная душа,
чёрные глаза, что раковины мидий:
всем твоя подруга хороша! –
только ты нигде её не видел.

А увидишь – как её узнать?
Как судьбу по тени угадать?..

Соловьи клюют ночную тишь.
Не меняя каменную позу,
на ступенях каменных сидишь
и молчишь, предчувствуя угрозу.

А луна гуляет налегке,
тень твою держа на поводке.

1976

ЗИМНИЕ НОЧИ

С. Ц.

Луна примёрзла к небу, как жестянка,
и город ёжился в надвинутых ушанках.
Ощерившись, надывившись, оскалясь,
ночная дрожь под льдинками плескалась.

Гудели ЛЭПы, страх перегоняя
из края в край,
и от конца до края
светились злобой фонари речные,
а со спины неслись шаги ночные.

И мы брели вдоль скользкого канала,
со всех сторон чужая жизнь дышала,
бросалась вниз из освещённых окон,
врывалась разговорным перескоком...

Метро закрыто. Пусто на стоянке.
Кровавых светофоров многоточье...
А дома встретит запах валерьянки.
Они не спят, они боятся ночи.

1976

КОКТЕБЕЛЬСКИЕ КАМУШКИ

1

Слышны седые разговоры
крутого берега с волной,
полыни стойкие растворы
в разливе щёлочи степной.

Пусть море хмурое шлифует
кремень, и яшму, и гранит:
о рифме разве стих тоскует? –
он только море сохранит!

Как длится ночь, как ливень длится,
так медлит слово к слову лечь.
Судьба медлительно пряжится:
не ты писал её – не сжечь!

2

Г.С. Померанцу

Как редко в небо поднимаем
мы удивлённые глаза,
как мало в звёздах понимаем,
как глухо слышим голоса.

А там луна, а там молчанье,
там пены облачной качанье,
свеченье, таянье, игра –
сегодня, завтра и вчера.

1976

ТЫ ДАЛЕКО...

С. Ц.

Ковыльный лоск. Полыни пряность.
Листвы внезапная багряность
и шум наката деловой.
Зевают лапчатые орды,
и скал беззвучные аккорды
над праздно виснут головой.

Ты далеко... Тоской тугою
нам не связаться ни дугою,
ни осью эллипса большой.
Мы из породы одиноких,
но пробивают хорду токи –
между душою и душой.

Есть нежность в мире. Есть забота.
И словно нежный, нужный кто-то
заходит в комнату к тебе.
От неожиданности вздрогни –
и улыбнись, и поподробней
разговорись, судьба к судьбе.

На лбу растрепанная чёлка,
и губ насмешливая щёлка...
Ты далеко... Наверно, спишь.

Твой сон и неглубок, и вязок...
Без слёз, без жестов, без подсказок
ты правотой меня поишь.

И на изгибе новой песни –
мы снова те, какие есть мы,
какие притчи ни готовь...
Иному голосу не внемлю:
уйду в песок, нырну под землю –
в твою последнюю любовь.

1976

1
9
7
7

1
9
8
0

С ТОБОЮ

С. Ц.

В меня вминает пальцы каждый день,
Моя судьба податливее воска.
И этот дождь, и воздух, и сирень –
в далёких отзовутся отголосках.

Прекрасный гул стоит в моих ушах, –
блаженный сон в наш горький век бессонный! –
твоих подошв особый полушарк
и смех, и плач, и лепет законный.

Так короток и дивен этот год, –
прохладный дождь в сухое вечеровье! –
но счастлив тот, кто с голоса поймёт
вердикт судьбы, подписанный любовью.

Я вижу в зеркале следы твоих забот,
я слышу запинанье горловое.
Твой голос что-то детское поёт.
Мне хорошо и весело с тобою.

1977

* * *

С. Ц.

Пока утешеньем последним
утешены мы не вполне,
мы липам внимаем столетним
и веслами бьём по волне.

Усталость смежает нам очи,
и греблей натёрта ладонь –
и делается всё короче
огарок, окурок, огонь!

И дождь барабанит по полю
тоски погремушный мотив.
а мы обретаем неволю,
свободу едва ощутив...

1977

* * *

С. Ц.

Черемухой обмахивайся, май,
и гребешковым горлышком играй,
торжественным закатом просветляйся.
Сливай в одно мычание и гром,
колодезным вычерпывай ведром
весну и над стогами майся.

А я пойду по кромке лозняка,
я в роще испугаюсь сквозняка,
я озером присяду любоваться...

Но этот май и эту пастораль
на прошлогодний март или февраль
я выменял бы! – только с кем меняться?

Я променял бы пять грядущих лет
на неотвязный высокосный свет,
струившийся над всякою рекою.
На тяжесть, легче пуха, на плечах,
на рук твоих беспомощный очаг –
в тени копны, под кровлей городской.

О, беззаботный, хрупкий поцелуй!
Сечение вод и золоченье струй!
О, часа напряженья вековое!..

О, боль моя, прости мне слепоту
и одиночество на выгнутом мосту
над бездной ожидания и покоя!

1977

* * *

С. Ц.

Не умолкает в сумерках поток,
негорькою полынью пахнет небо,
и Тютчева прохладный шепоток
нас обвевает ощущеньем снега.

Здесь, у реки – покой и благодать:
– чего желать? о чем гадать?

Но к зелени чернеющих ветвей
я подхожу тревожно и устало.
Ни помощи, ни нежности твоей
уж не спрошу, как некогда бывало...
И женщина гадает по руке –
и я впервые в жизни в тупике.

Нет света в обозримом далеке:
судьба не дождь, а хлёткое теченье.
Виновных нет, но есть напор в реке,
а нет вины – так нет и облегченья...
В припоминанье нежном о тебе –
что толку выговаривать судьбе?

Ведь было счастье на моем веку!
Над крышами плескалось черноточье!
Я нежную выискивал строку,
и мы блаженством грезили воочью.

Нас каждый обнадеживал листок,
и счастья, мнилось, только лишь исток!..

Но предстоит неслыханный оброк
тому, кто влаги той глоток пригубит.
Блаженство не накапливают впрок, –
ему лишь подставляют жадно губы!
Я жизнью отвечаю за строку,
я лишь тебя судьбою нареку!

1977

* * *

Луна летела вслед за электричкой,
неслась, спешила и отстать боялась,
на остановках нехотя топталась,
на перегонах опрометью мчалась,
вдруг исчезала, снова появлялась,
припадочною билась истеричкой...

Луна летела, и всю ночь горело
одно окно над площадью пустой,
и тишина валилась на постой...

Ах, мама, этот выбор непростой,
ах, мама, это хлопотное дело –
писать стихи и ладить с пустотой.

1977–1978

ИЗ ВИЛЬЯМА ШЕКСПИРА

СОНЕТ 129

Th' expense of spirit in a waste of shame...

Утрату духа торжествует плоть,
И путь нам вожделенье пролагает.
Поддался раз – и впредь не обороть
Ту похоть, что рассудок помрачает.

И жертву на потраву заманив,
О, нежные, – мы грезим только раем;
Охотники, в ловушку угодив,
Терзая дичь, самих себя теряем.

Погоня? обладанье? – всё равно:
Настичь – и навзничь! смять – и вскачь умчаться!
И, обезумев, ходят заодно
Восторг и горечь – некуда деваться!

От века так, и не дано сойти
С дороги в ад, с небесного пути!

1977–1982

ИЗ РАЙНЕРА-МАРИА РИЛЬКЕ
(Из «Книги картин»)

ПЕСНЯ ЛЮБВИ

Wie soll ich meine Seele halten, daß...

Чем душу мне сдержать, чтобы она
К душе твоей не льнула, не тянулась?
Как развести их и оставить врозь?
Желал бы я торжественного сна
своей душе – чтоб долго не очнулась,
чтоб в нежном сумраке ей сладостно спалось,
хотя б твоя в тот миг над бездною качнулась...

Но все, что нас обоих берedit,
в одно созвучие смычок соединит –
не будет музыки согласней и чудесней!
Но мы натянуты на грифе на каком?
Какой скрипач нас трогает смычком?
О, сладостная песня!

1977

ТЕРЯЕВСКАЯ СЛОБОДА

Н. Коренновой

В ночи горит решетчатый квадрат,
и башня светится Кузнечная, и тает,
и чью-то жизнь за ужином решает
колючих звезд ночной триумвират.

Кто ты, счастливец? Неудачник, кто?..
Моя звезда мне светит вполнекала.
И носится по ободу бокала
печальный блик, вмурованный в стекло.

1977

* * *

О. Савельевой

Бело-синяя гжель на комодe,
каолиновый хмель в голове.
Как не стыдно весенней природе?
Отчего не поёт соловей?

И зачем этот хлещущий ливень
так бесстыже по улице мчит?
И, застенчивой птички пугливей,
почему репродуктор молчит?

Эх, весна с соловьем под полою,
ты не шерсти мотаешь клубок –
ты сочащийся ломтик алоэ
мне кладёшь на горящий висок!..

А хозяйка сложила вязанье,
и блеснула слеза, как блесна...
Неужели мне всё в наказание –
даже хмель, даже гжель и весна?!

1977

ПАМИРСКАЯ ДВОЙЧАТКА

Д. Карякину

1

В могучие русла въезжаю,
зубчатым кольцом окружён,
грядущее с прошлым мешаю,
увиденным заворожён.

Мой взгляд оседает на склонах,
потоками сносится вниз:
в эпохах безвременно оных
какие события стряслись?..

Какие события стрясутся
на нашем с тобою веку,
пока эти овцы пасутся
и лошади ржут на скаку?..

2

...И горные вызубрив тропы,
я понял, что благостен мир.
Но призывом катастрофы
повсюду пронизан эфир.

Когда из разверстого ада
воздвигнутся пламя и дым, —
Не будет, мой храбрый, пощады
ни сильным, ни добрым, ни злым!

И совесть, и мужество бrenны —
лишь музыка брезжит в веках!..
А боги вдвойне вдохновенны —
смешон им стенающий прах!

И горные мышцы Памира —
Такая ж рабочая лира,
но только в высоких руках!

1977

* * *

А. Сопровскому

Наши речи прямы, но бракованы мысли до вздоха;
Хорошо подо льдом, но прокованы жестью глазницы.
И проколото слово, и с ним обращаются плохо, –
Не дают передач и лишили свиданий в темнице.

Нет над нами луны – нам сияет консервная банка,
И консервным ножом наши души зубасто раскрыты.
Я пишу не в лесу, а в харчовой тиши полустанка,
Где кирзовый алкаш растопырил босые копыта.

Он проснётся в ночи, пиджаком и штанами согретый:
сколько выпито им? Сколько нами, мой трезвый, испито?
Он такой же, как мы, – он проснётся в ночи без рассвета,
Только поступь его – позагадочней для следопыта...

После рифмы – редиф, и на каждой метафоре такса.
Типографский свинец неподвластен моей укоризне,
А офсетная совесть – простая казенная клякса,
И копирку на саже проложит меж нами отчизна.

Это слово мое – не дождётся ни звука, ни знака:
Перед звуком робеет, а знака оно недостойно...
Нас поманит Форос, нам блеснет голубая Итака,
И чернильных глаголов потянутся клинья нестройно.

1977

БОТАНИЧЕСКИЙ САД В ТБИЛИСИ

Памяти Александра Цыбулевского

1

Как странно мне наследовать чужое,
с чем жизнь меня воочью не свела.
Уже с моей сроднились душою
лазурных линз былые зеркала.

Метехи, Анчисхати и Кашвети,
ориентиры черепичных крыш...
Сей век облюбовав и заприметив,
ты на скамейке медленно сидишь.

Ты не спеша по улочке шагаешь,
глотаешь набежавший ветерок.
Закусываешь, пиво подливаешь,
записываешь что-то поперек...

Как странно мне наследовать блаженно
твои стихи и лучших из друзей,
и город твой, волшебный несомненно, —
оплот коммерции, поэтов и князей.

И сад – прекраснейшее из ущелий,
и осень, наилучшую из пор...
Здесь все твоё,
а я, как на качелях,
лишь изредка встречаю в разговор.

2

Мы ковим соли горные кристаллы,
доподлинность возводим на престол,
а память окунается в рассол –
субстанция её зыбкая пристала!

Но нам былого милые следы
куда важней событий предстоящих...
Вдруг вспыхнуло видение воды
среди миражей и песков манящих.

И всё бежит солёная река,
забвенье разливается по венам.
Доподлинность доподлинна –
пока
она жива, а жизнь её – мгновенна!

И вся-то жизнь – наука запустенья,
уроки зыбкости, прозрачная молва...
В рассоле растворяются слова,
и стакнутые раздаются звенья,
отныне различимые едва.

ЗЕДАЗЕНИ В ТУМАНЕ

К. Томарадзе

Клубилась пропасть под моей ногой,
когда я замер вдруг на этом гребне:
на миг возникнув в пустоте парной,
величественно таяли деревья.

Округлый вход в сырое никуда.
Нет, выход из сырого ниоткуда.
Молочная, летучая вода,
бессмертных черепков слепая гряда.
Размытых контуров слепая пелена,
провал портала тает, не зияет.
Ты говоришь: старинная стена...
Зрачок не видит, только различает.

Ты говоришь: не видно Джвари, жаль...
Не видно Джвари – ну так и не надо.
Но посмотри – какая нам награда –
Картвелии туманная печаль!

... И я поверил медленным холмам,
я их покоя словом не нарушу.
Повсюду пробирается туман,
и влага обволакивает душу.

1977

В МАСТЕРСКОЙ

Г. Хачатрян

Я в руки брал холсты,
я впитывал виденья.
Мои слова просты,
но лишены значенья.

Сновиденный полёт
над городом из ваты,
сон ветра напролёт,
и лев огненнолапый.

И матери портрет
в коричневой накидке.
Такой накидки нет –
откуда ж эти нитки?..

И я плыву в кругу
безумной карусели –
и вижу еле-еле,
и выплыть не могу...

1977

ИЗ ГАЛАКТИОНА ТАБИДЗЕ

Уходишь...

И муки уносишь,
словно косишь сырую траву.
Кто сказал, что судьбу свою косишь? –
ты сегодня рождён наяву.

Уходишь...

Ни в тягость, ни в радость
ты цветам и тебе – цветы.
Ты впервые вкушаешь благодать:
что же лгут, что несчастлив ты?

Уходишь...

Без тени грусти.
И не нужно кровли иной.
В каждый дом тебя каждый пустит,
упоённого тишиной.

Уходишь...

Завидная участь.
В добрый путь! – мы глядим вослед...
А пространство зовет, летучась,
и бессмертья зажётся свет.

1977, 1982

ИЗ РАЙНЕРА-МАРИА РИЛЬКЕ
(Из «Новых стихотворений»)

МОЛИТВА

Nacht, stille Nacht, in die verwoben sind...

Ночь, только ночь, и в ней растворены
белёдые и пёстрые предметы.
Рассеянные краски тишины
безмолвием и сумраком одеты.
Дозволь и мне от благодати твоей
вкусить и убеждением причаститься...
Мой разум на свету не стал светлей,
а жизни мимолетные частицы
меня гнетут, и я под их пятой,
сковал мою ладонь стальной покой.

Вот скромное кольцо в моей руке,
и свет вокруг – но между ними мало
доверья...
Что ж, дорогам вдалеке,
наверно, в сумраке ветвиться и пристало...

1977

МАЛЕНЬКАЯ ПОЭМА

*Посвящается «тёте Шуре» (А.М. Калединой) –
хранительнице храма Покрова-на-Нерли*

От монастырских косогоров
Широкий убегает луг..
(О. Мандельштам)

Плывёт. Куда ж нам плыть?..
(А.С. Пушкин)

1. Пролог

Детское, святое вдохновенье,
каменная, розовая явь.
У любви – единственное зренье,
и луна, послушная течению,
небеса пересекает вплавь.

Это здесь я был застигнут словом,
здесь – любовью, с мукою в оплёт,
и, двойным окутанный покровом,
я к любой беде вставал готовым, –
кроме той, что мне перепадёт.

2. Весна

...По траве пожухлой, как по сходням,
путь знакомый долог – ну так что ж?
Да пребудет вечное сегодня! –
в отражённом небе половоднем
на холме, как в лодке, ты плывешь.

Мир ещё знобит под тонкой льдинкой,
а уже небесный льется звук.
И под серебристую сурдинку
жгут траву, и прошлогодней дымкой
пахнет зыбкий, отдохнувший луг.

3. Лето

Подсыхают луговые балки.
Соловьи клюют ночную тишь.
В старице купаются русалки,
и галдят, галдят об этом галки,
и срываются с крестов и крыш.

Мотыльков полуденных круженье.
Ночь в стогу, кузнечик у виска.
И плывут, согласно назначенью,
золотые катеты сеченья,
ангелы, созвездья, облака...

4. Осень

...Ночью белый камень источает
кладки алебастровую суть
и тепло дневное возвращает –
всем и вся смущает и прельщает,
бередит и не даёт уснуть.

Угольков прощальное мерцанье!
запах воска! тяга к ворожбе!..
Не заметишь в утреннем тумане,
как твое святое пониманье
встрепенётся и умрёт в тебе.

5. Зима

Скирды под снегами коченеют,
с краем дуга слился неба край –
лишь кусты прибрежные чернеют,
и хрустит, и дышит, и густеет
льдинами срезаемый припай.

Скоро погрузится всё в молчанье –
и следов запорошится нить...
Только поезд ухнет за плечами –
каково нестись ему ночами,
без следа пространство колесить?

6. Эпилог

Вот и кончен круг. Долой с орбиты –
лодки-спички, щепки-корабли!
Это я, укутан и воспитан,
запускал вас с видом деловитым
и следил, чтоб весело вы шли...

Снегом запорошена протока,
со стеклянным хрустом лед трещит.
Наглухо забиты щели окон:
уйди отсюда, от истока –
устье новое, привольное ищи!

7. Куда

...Снег валит – широко и без срока,
и на всей равнине – ни души.
Здесь ты жил счастливо и высоко...
Оглянись – следы твои далеко,
и заносит их... Спеши, спеши!..

И в каком бы ты ни сбился круге,
что б ни предстояло впереди, –
этой церкви радостные дуги,
словно имя нежное подруги,
будешь помнить и носить в груди!

1978–1979

СТРИЖИ

Когда стрижей веретено
прядет зарю и небо ткётся, –
мне отвлекаться удаётся,
но оторваться не дано.

Не быть росе – так быть грозе,
не быть стихам – так быть разбою!
И кем мне быть, как не собою,
в прозрачной рея бирюзе?

1978–1979

У СТАРЫХ ДРУЗЕЙ

Леше и Лиле

1

С двумя бутылками дешевого «Эрети»
я вновь взбегаю на ступени те,
где некогда любил я всех на свете,
рассевшихся в радушной тесноте.

Я помню всё: что пили и что пели,
и с кем смеялся в ласковых потьмах –
и вольные висели акварели,
как птицы на печальных деревьях.

2

Мой странный друг, тиха твоя квартира,
лишь очага не стелющийся дым...
Открой вино, нарежь немного сыра –
мы снова вместе за столом твоим!

Как всё ушло, как сгнуло в тревогу!
Умолкла флейта и вступил гобой.
Но живы мы ещё – и слава Богу,
и вместе мы, и пьём ещё с тобой!..

1978

ЭКСПРОМТ

Органисту Ж. Вольфу

А где-то в Утрехте лиловом,
в краю тюльпановых равнин –
так просто быть звучноголовым
и вспúшенным, как георгин.

А здесь, в раздолье васильковом,
в кудрявом причете рябин –
висит луна, как над альковым
всех родин герб и всех чужбин...

Поди-ка выдюжи попробуй
то щучий свист, то пёсий визг:
куда же ты, высоколобый,
отведай слёзных наших брызг!..

– Ну, это разговор особый, –
сказал голландский органист.

1978

ЛЫЖНАЯ ПРОГУЛКА

Есть в лесу, как в душе, закоулки,
где светлы на просвет деревца.
Хорошо мне на лыжной прогулке,
и улыбка не сходит с лица.

Безмятежна лесная дорога,
и мороз благодушный щекаст, –
и меня отпускает немного
то, что в городе спуску не даст...

Эти лыжи ни ходки, ни валки,
шелестя, замедляют свой бег,
и шипящие лыжные палки
протыкают запёкшийся снег.

1978, 1997

ДВА ИМЕНИ

П. П.

Когда играют «эр» и «эн» и «эль»
и пена пузырями закипает, –
хочу, как благородный Тариэль,
знать цель одну, как изредка бывает.

Хочу, как яблоко, в руках её держать,
усвоить её норы и повадки,
делить восторг её наитий кратких,
и с ней свою судьбу торжествовать!..

Но мне иное, видно, суждено,
на всём сургуч с печаткой раздвоенья,
всё надвое во мне поделено,
мне двойственное выпало горенье.

Двойное дно, двойные чудеса,
несовпадение сна и подоплеки...
Мне за двоих отмеривают сроки
с двойным гало чужие небеса.

Два имени я должен оправдать
и, стало быть, две жизни обнадежить,
две повести, обдумав, написать
и, божья воля, – третьей подытожить!

1978

БОТАНИЧЕСКИЙ САД

Ах, куда же мне деться от запаха пыли?
В Ботанический сад! в Ботанический сад!
Отчего же опять те же раны заныли?
Оттого, что не будет дороги назад!

Оттого, что есть среднее между разлукой
и меж смертью,
 затем, что ещё не привык
упиваться тоскою и смертною мукой
и прокусывать кровью дымящий язык.

Пропадай она пропадом, наша добыча!
Забирайте и рвите, давитесь, рыча!
Лишь бы было спасенье от зычного клича –
не на жизнь – так на год,
 не на год – так на час!..

Неужели мне вечно хвататься за сердце?
Оголённые всюду хватать провода?!..
Ах, куда же мне деться?
 куда же мне деться?..
– Никуда, дорогой!
 ни на час никуда!

1978

НЕВСКИЕ СТИХИ

Нет, не жена и не подруга
со мною делит эту ночь –
метель, метель – и вьюга, вьюга,
побудь, засни – и сутки прочь.

И нет лекарства от недуга,
которым всё во мне горит.
Побудь, проснись – и вьюга, вьюга,
и льдина чёрная звенит.

И от внезапного испуга
и до последнего глотка –
метель, метель – и вьюга, вьюга, –
и лишь такой любовью сладка.

Там, за невольною чертою
Она не делится уже...
Я и не числил за собою
на этом сбыться рубеже.

Не ты качнула эту чашу,
но ты качнулась с ней сама.
Благословим несчастья наши,
бездомные свои дома...

А льдины, комкая друг друга,
на невской корчатся воде.
По всей земле – метель и вьюга,
на юге, севере, везде...

ТРАКАЙ

С. Ц.

Чайки над озером рыщут,
ветры тугие свистят.
Тучи с разодранным днищем
прямо над нами висят.

С неколебимою властью
брызги бросая ко мне,
слышишь, какое ненастье
носится там, в стороне?

Стонет озерная рыба,
черви ползут тяжело...
Счастье скользнуло с обрыва,
в чёрную воду ушло.

Поздно теперь разбираться,
что размышлять – напролом!..
Чайки на волны садятся,
бурю торопят крылом.

1978

САД МУШТАИД

Илюше

Ну вот и хватит. Пожил для себя.
Почти во всем дошел уже до точки.
Что было – не было, раз было без тебя,
и в сторону права на проволочки.

Оставь надежду на покой земной,
забудь эфир своих стремлений книжных.
Взгляни – вокруг тебя разгар иной:
сад Муштаид и запах мамалыжный!

Как сладок дым, как радостен гудок!
Скрипят вагончики дороги детской...
Из всех не пройденных и пройденных дорог
дороже всех – тот двор замоскворецкий!

И над рекой ладони я разжал
и замер, как кормилица над зыбкой.
Кто поручится мне, что всё, чем я дышал, –
не стоит детской праздничной улыбки?!

1978

* * *

Арк. Штейнбергу

Хранит ли губка влаги той следы,
ее поившей некогда и где-то?
Хоть каплю капельную той живой воды?
Хотя б глоток того живого света?

Хранит ли память то, что утекло,
растаяло, смолосось в пепелище?
Хранит ли копоть очага тепло
и запахи бессмертные жилища?

Хранит ли камень в трещинах своих
хотя б круплицу мертвую событий,
его зачавших?.. И хранит ли стих
хоть тень своих божественных наитий?

Куда девался пепел голубой,
что в наших порах копится и тает?
Какие ветры мчат его с собой,
когда его и так до боли не хватает?..

А память не умеет не солгать,
и зрение не может без обмана...

Не ради славы стоит стих слагать,
а ради привидений тех туманных...

1978–1981

ПЕРЕДЕЛКИНО

Электрички проносятся мимо,
На могилы закат не глядит.
Над отчизной витает незримо
хмурый гений гранитных плит...

Кем хранима ты, кем хранима, –
та земля, что под сердцем горит?

1978

ИЗ РАЙНЕРА-МАРИЯ РИЛЬКЕ
(Из «Книги картин»)

ОСЕНЬ

Die Blätter fallen, fallen wie von weit...

А листья падают, слетают издалёка,
как будто в небе облетает сад..
А листья всё кружат, всё спорят с пустотой..
И грузная земля, и звезд воздушных рой
плывут в ночи пустынной одиноко.

Взмахни руками – и лети вперёд.
Мы все кружим по вечности безбрежной,
но есть же Кто-то, кто ладонью нежной
благословляет вечный наш полёт.

1978

ИЗ РАЙНЕРА-МАРИЯ РИЛЬКЕ
(Из книги «Жертвы ларам»)

ОСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Die Luft ist lau, wie in dem Sterbezimmer...

Как в комнате больного, воздух тает,
и за дверями тихо смерть стоит.
По мокрым крышам слабый блеск мерцает,
как будто свечка меркнет и чадит.

А в водостоках ливень хриплый злится,
рвёт ветер листья и швыряет ниц,
и облаков унылых вереница,
как испугнутая стая старых птиц.

1979, 1981

ИЗ ГЕНРИХА ГЕЙНЕ

(Из книги «Лирические интермеццо»)

О, как прекрасен образ твой!
Мне снился сон: я был с тобой.
Но ты бледна, больна... И вдруг
Я твой недуг постиг, мой друг.

Вопьётся смерть в твой алый рот,
тот побелеет и замрёт.
Небесный свет из кротких глаз
Уйдёт – и всё погаснет враз.

1979

* * *

Улыбчивым летним утром
Я вышел в прохладный сад.
Цветы меж собой шептались,
А я был им вовсе не рад.

Цветы меж собой шептались,
И мне доносилось вослед:
«Не стоит грустить и сердиться
На нашу сестрицу, поэт!...»

1979, 1997

КУБАЧИ¹

Неоглядные горы уснули,
разметавшись в огнистой ночи.
Что ты делаешь в этом ауле?
Я ищу в Кубачах Кубачи.

Ты жива ли, искомая птица?
Я к тебе издалёка летел.
Но мелькает вязальная спица:
опоздал – не застал – не успел.
Родники обмелели, иссякли,
и зазубрились плоские сакли,
мельхиор потеснил серебро
и мучалы сменило ведро.

И другая вода обступает –
что поделать с рекою времён?
Об одном ли, скажи мне, рыдают
та старуха и магнитофон?..

Я спускаюсь по улочке-тропке,
«далетай» ловя на лету́,
вдруг гармоники наигрыш робкий
нежным взмахом разрушил черту.

¹ Мучалы – большие кувшины для переноса воды. «Далетай» – по-кубачински «здравствуй».

И по-прежнему горы и горы
замыкают собой кругозоры,
и вода ледяная сладка,
и небесная льется река.

1979

ТАРУССКИЕ СТИХИ

С. Ц.

Не вырывай у совести признание...

1

Вслепую, наугад, поодиночке,
за годом год, за кругом новый круг,
мы двигались в бессмысленной цепочке
убийственно пустых забот и мук.

И на исходе памятного круга,
среди зимы, в морозной пустоте –
мы встретились и поняли друг друга,
и руки засветились в темноте...

Усталости мы чувствовать не смели,
а шли и шли, не разнимая рук,
передвигая ноги еле-еле,
сам-брат и сам-сестра, и другу друг.

Куда мы шли? Какие знали цели?
Чему хотели внять в конце пути? –
родимый дух в ещё родимом теле
застать в живых –
и душу обрести!

2

Когда в душе смятение и мука,
когда межи не знают день и ночь,
ещё не всё потеряно:

разлука –

Она, как мост, спрямляет ход событий
или, как линза, взнуздывает свет,
в один пучок сплетает сотни нитей,
которым бы ни свиться в сотни лет...

Боюсь всего, боюсь ночного стука,
боюсь строки, от крови голубой!..
Так разыщи меня, моя разлука,
так разлучи меня с самим собой!

Разлука искушает расстоянье,
и оттого торжественны вдвойне –
мечты и яви противостоянье
и истина, мелькнувшая в окне...

3

Мы ещё долго будем пахнуть дымом
и вспоминать об окском ветерке.
Как трудно мне любить и быть любимым,
словно грести к верховьям по реке.

О, где вы, наставленья той науки,
где совесть спит и сердце берегут?..
Мне сводит спину, и немеют руки,
и листья жёлтые навстречу мне плывут...

И осени шальное совершенство
нас учит логике осмысленных потерь.
За дивный год несметного блаженства
остатком жизни платим мы теперь...

Протокой, напрямик, напрапалую –
могу лишь срезать маленький пустяк,
но жизнь свою, четырежды кривую,
уже не выпрямлю, наверное, никак.

Но даже этот ветер – не навеки!
И как успеть всё то, что не успеть?
Петляют судьбы и петляют реки,
чтоб встретиться и не расстаться впредь.

4

Благоухало лето
и ухала сова,
и не было ответа –
лишь чудилось едва,

что где-то близко-близко,
по сумрачной реке,
скользит-летит записка,
теряясь в лозняке.

И мимо переправы
и бельевых досок
плывет листок лукавый
ко мне наискосок...

Описка, опечатка!
Подумаешь – пустяк!
Но нет – свинец, свинчатка!
кулак, кастет, костяк!..

А птицы, рыбы, травы
и лодочник глухой,
наверно, были правы,
безмолвствуя со мной.

1979

ВОСТРЯКОВО

И дедушка, которого не помню,
И внук, что не дослушает меня, –
одной землей помазаны и кровью,
и страхом громогласного огня.

Могильщика глумливая лопата
заденет сердце лаской штыковой –
то самое, которое когда-то
в бессмертье верило и образ пело твой.

И только снег, все раны прикрывая,
с кошачьей грацией ложится на холмы,
к которым шли мы, шапок не снимая,
к которым будем звать потомков мы.

ЮМИНСКОЕ¹

Арк. Штейнбергу

1

Сквозь разрывы кувшинок влажных,
мимо отмелей и осок,
мимо сёл, как волна, протяжных,
под мостами наискосок –

пролетают хрустальные брызги,
белопенная скорость вод,
и мотора хриплые взвизги,
и крикливых чаек полет...

2

Прошелестела всей листвой
черемуха над головой.
На каждой ягоде округлой
висит по капле дождевой.

Об воду шлепнулось весло.
Сквозь щели – свет,
сквозь свет – тепло.

¹ Юминское – село на реке Хотче, притоке Волги, где Штейнберг проводил летние месяцы. Ши-Шань (*кит.*) – «каменная гора» – калька с немецкого «перевода» фамилии Штейнберг.

Тумана медленные ключья
плывут по Хотче тяжело.

Кукушки кук и дятла стук,
и, словно выпорхнув из рук,
унылый день по небосводу
пройдёт, как стадо через луг..

Усталая бредёт природа,
бессчётный завершая круг.

3
(Подражание древнекитайскому)

Катит и катит волны свои Хо-Тча.
Вот и селение Ю глянуло из-за туч.
Там проживает горный монах Ши-Шань,
Ловит на удочку станцию Би-Би-Си.

1979

КАРТИНКА

Две девочки, две подружки,
нагибаясь к земле, рвут травы
и на цыпочках тянутся вверх,
рассовывают пучки
в доверчивые коровьи морды,
к теплым, шершавым языкам...

А коровы благодарно жуют
и кивают с грузовика,
застывшего у проходной
мясокомбината...

А шофер читает «Вечёрку»...

1980

ОКНО

Г. Фельберг

Между геранью и сиренью,
в лучах морозного тепла,
навстречу встречному движенью
прозрачность мира протекла.

Но, вопреки всему старанью,
в зеленой, колкой полумгле
между сиренью и геранью –
мы растворились в том стекле.

1980

* * *

«Куда ты, милый, не спеши...» –
любим, ты сам ещё не любишь
Свобода нежится в тиши,
но тем верней себя ты губишь,
что тяготишься, не любя..
Но ничего, дождешься срока,
и выследит любовь тебя,
и отомстит тебе жестоко!

1980

СЕНТЯБРЬ

А. Б.

Вот и сентябрь. В проулках тишина.
Пустые дачи выступают цугом.
Как хорошо до самого темна
Из настезь растворённого окна
Глядеть на сад, прикинувшийся другом.

Есть у природы слово на устах, –
Его для нас одалживают музы, –
Не оттого ль мы в вечных должниках,
Что светятся в желтеющих кустах
Малины восхитительные друзья?

О, лета бабьего прозрачная пора!..
Сих облаков кочующая млечность
И кленописи вечная игра –
Мне возвращают легкость и беспечность,
И отрешённость вольного пера...

А бликов хоровод в колодце всё не гас,
И ручка ворота скрипучего вертелась,
и флоксов увядающая прелесть
До станции преследовала нас...
Спасибо, дом чужой, и в добрый час!..

1980

* * *

Преодолей соблазн страницы
и затупи карандаши
со всем, что жаждет отразиться,
к заветной книжке не спеши.

Пуškai тебя едва коснётся
доподлинности нежный флер.
От влажных слов да не зажжётся
сей гармонический костер!

Пуškai просохнет, отстоится,
глухим забвеньем просквозится, –
валежник сух и ветер тих...
Тогда нагрянет и очнётся,
и дивным пламенем взметнётся
оставленный до срока стих!

1980, 1997, 2012

ХУДОЖНИК (Подражание Ахматовой)

Это сильное слово «художник», –
словно «каторжник» или «острожник» –
так оно для меня звучит.

Ни любви, ни семьи, ни света –
ни зимы, ни весны, ни лета –
осень вечная в сердце стучит!

Но и осень твоя, твоя муза,
не выдерживает обузы –
и покинет тебя ни за грош,
если ты не отыщешь слова,
отворяющего оковы,
и подругу себе не найдёшь!

1980

ФОТОГРАФ

Памяти Давида Давыдова

1

И даже каменная лестница – скрипит,
и полог из газет – никак не рѣ1тся,
корзинка-люстра вкрадчиво висит,
и всё закружится, когда она качнется.

Премного тайн сокрыто в сих стенах,
Хозяин стар, а может быть, и вечен, –
и только кажется, что дышит он впотьмах...
Жизнь – фотокадр, который не засвечен.

И сколько там всего, на пленке той,
в кассете нескончаемой у Бога!..
Далекая, зовущая дорога,
застенчивый фотограф молодой...

2

...И пристального взгляда окуляр,
прищура хищного цепляющая крепость, –
вдруг выхватит из мрака вспышкой фар
людской породы кротость и свирепость.

И всё, чем ты казнишься и казним,
под выпученным глазом объектива
разгладится – и ляжет перед ним
убийственно наглядно и правдиво.

И кто-то слабый, обливаясь потом,
из-за стекла ту карточку берёт
и в мелкие клочки, не глядя, рвёт, –
как будто с этим выправится что-то!..

1980

СТЕНА

С. Ц.

Поначалу неприметно
в голубой траве
что-то твёрдое возникло,
не мешая мне.
И ни облачка на небе,
в тихой синеве...
я шагнул и не споткнулся
о кирпич в траве.

Время шло, и показалось
из травы густой
на крутом растворе кладка
меж тобой и мной.
Что ни день – кирпич, и снова,
что ни ночь, – другой,
и тебя уже не видно
за глухой стеной!..

1980

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

С. Ц.

По ладони от запястья
пролегла моя стезя.
Мне предсказывали счастье –
верить ничему нельзя.

Вдаль вела меня дорога
сквозь стихи и города.
Много было вдоль,
и много
поперек – не в том беда.

Путь мой длинный, сонный, санный
заметила пурга, –
словно камень талисманный
выскочил из перстенька.

1980

1
9
8
1

1
9
8
4

* * *

В. М.

Я бы должен догадаться
(век живу – и всё не впрок!),
что пришла пора прощаться,
раз успело привязаться
сердце к сердцу – вышел срок...

Раз в душе взошла, как тесто,
крутобокая волна, –
значит, ей не будет места
раскатиться, встать отвесно –
и обрушиться сполна!

Это надо было раньше –
то, что нынче я решил...
Так уймись, ну перестань же!
Дальше – тоньше, не порань же
ту, кого приворожил...

Сушу вымесить – не шутка,
душу выместить – не шубку
на плечи накинуть ей, –
и, в отместку за уступку,
не зови её своей!

...Ну а лёгкою поклажей –
смесью яви да миражей,
обретеньем да пропажей –
не кичись, а дорожи.
И, в ответ на вздох лебяжий,
«благодарствую» скажи!

1981–1982

СТАНСЫ

О. Г.

1

Влюблённой поступью слепой,
на ощупь ощущая свет,
той кубачинскую тропой
она прошла тебе вослед.
До слёз знакомые следы
в её глазах ты находил,
науче боли и беды
ты сам учился – и учил.

2

Кувшин да дружества родник
вот, собственно, и весь урок.
«Твой самый лучший ученик!», –
шепнул тебе, скривившись, рок...
Любовь ей увлажнила взгляд
и ноги погрузила в клей.
Ты перед ней не виноват –
от этого не легче ей...

3

...Ты взгляд её перехвати
на снимке в рамке на стене.
Он испугал её во сне –
не оставляй их взаперти!..
Она все смотрит и молчит –
ей правды нет! ей счастья нет!..
И не вопрос её страшит,
а твой продуманный ответ.

4

Не на земле, не в небесах,
а просто гирькой на весах
случилось быть ей в горький час,
переиначивший всех нас...
И ей неведомо самой,
куда душа её зовет:
то ли махнуть на всё рукой,
то ль потерпеть и этот год?..

5

Надежда – медленная вещь!
И на костре её не сжечь,
и под водой не погасить,
носить вразнос – и не сносить!..
Но не обманывай себя,
не обнадёживай других,
 не забывай, за что тебя
 обрёк на муку твой же стих!..

6

Утри слезу, махни рукой,
не забывай, – скажи, – прощай!..
Задуй очаг, забудь покой,
но жертву жертвой – не смущай!
Превозмоги, преодолей
душевный лад – самой душой!
 Не называй её чужой,
 но и своей назвать не смей!

1981–1982

ГУНИБСКИЕ СТРОФЫ

1

Над Гунибом застыла луна,
словно впрыгнула на небо серна.
И река, глубока, не слышна,
серебрится меж скал крутоскулых.
Словно горсть золотого зерна,
электричество ближних аулов,
и, как сердце – печалью неверной,
вся долина мерцаньем полна.

Эта цепкая крепь – неверна,
это небо – и то ненадёжно!
Притаившись, коварства полна,
изолгавшаяся дорога...
Сколько душ загубила она,
сколько судеб направила ложно!..
И моя, от паденья черна,
обмирает, не чувствуя Бога.

2

Что за слово такое – Гуниб?
Может, место не стоит порыва?..
Мог Шамиль и уйти, и могли б
не поймать его, а укокошить.

Он бы мог отсидеться меж глыб,
мог бы броситься камнем с обрыва...
Не его ли там видели лошадь?
Не его ли тут свистнул наиб?..

3

...Ну а ты? Что же выпало нам?
Ничему-то мы толком не вняли.
И для нас, что мюрид, что имам –
поэтические этикетки...
Эх, вольно ж нам гулять по горам,
мы кинжал на хинкал променяли
и, как овцы, роняя отметки,
отрешённо бредем по домам...

Мы вернемся в свои города,
в ночь языческого газавата –
чем священна родная вода,
чем смертельная пуля презренна,
чем бессмертны любовь и беда,
чем строка и душа вдохновенны, –
электричество, что ль, виновато? –
не понять нам уже никогда!

1981

* * *

С. Ц.

Вот и пройден порог високосный.
Крышка – хлоп и цыганочка – топ.
Перекосный, бескостный, откосный
окоём обнимает мой лоб.

Словно остров никчёмный и голый,
вулканической прихоти сын,
я возник над водой невеселой,
бесконечно далёк и один.

Одиночество, ночество, здравствуй,
ты меня отыскало само!
Так бери же меня, государствуй,
вот мой грешный язык под клеймо.

1981

ПАМЯТИ Н.Я. МАНДЕЛЬШТАМ

Растает снег, просядет холм багровый,
Озябшая провеет земля,
и ты сроднишься с новой основой,
с бескровной почвою судьбу свою деля.

В тебе одной всё тлела, всё горела
ещё одна неистовая плоть.
И пела – та, а эта – сиротела,
но всё исполнилось, как рассудил Господь.

Старуха вздорная, наперсница поэта,
девчонка глупая, умнейшая жена!
Вторая Речка просочилась в Лету,
а строчки повторяет вся страна!

...Но выполнив земное назначение,
как докурив последний «Беломор»,
ты с пеплом мстительного обличенья
стряхнула смуту, злобу и раздор.

И сколько надо совести упорной,
чтоб ложные отшелушились зерна
и чистых линий просиял узор!..

Желчь гениальна, истине в укор,
но, как стрельба в упор, она позорна –
и лишь одна поэзия бесспорна!

1982

2

Меловые столовые горы,
беловые наброски души,
и в палатке ночной разговоры –
беспорядочны и хороши.

И в бреду безответных вопросов,
после гряд беспорядочных лет,
убежал ты к дриаде утесов,
безымянный алсуйский философ,
неизвестный бродяга-поэт!

В мире совести, что в море соли,
но недаром соленым зовут
горьковатое, честное море
и в его первозданном растворе
первозданную истину пьют.

Верь, дружище, мы станем другими,
неизвестным сердцам дорогими, –
всё не зря, хоть и страшной ценой!..
И я горд тем, что знал твоё имя,
что бродил по Тавриде с тобой!

1982

ФАРНАОЗ¹

О. Чиладзе

Я захлопнул роман и очнулся.
Как случиться такое могло?
Грохот моря из книги тянулся,
и звезда напрягала крыло.

Обступало людское болото
час за часом и день за днем,
вдалеке убивали кого-то,
и вблизи убивали кого-то,
и любовь выжигали огнем.

Романист усмехнулся сурово
и исчез, как возник, среди листвы...
Отчего так бесчинствует слово?
Кто сумеет прожить за живого?
Эти буквы – они же мертвы!

Разве жизнь уподобишь сюжету,
разве душу приколешь к листу,
Разве вызовешь в отзвуке эту
обманувшую сердце мечту?..

И на что нам фантомные боли,
Если мы не увидимся боле?

¹ Герой романа О.Чиладзе «Шел по дороге человек».

Что отрезано – то не пришьёшь
И живую водой не зальёшь!

...Я признаться себе не решаюсь
в том, чего беспричинно стыжусь...
Но, как в зеркале, я отражаюсь
И в себя отрешённо гляжусь.

1982

* * *

С. Ц.

Один сказал душе: живи бесповоротно!
Другой сказал: умри, но выполни обет!
Но прошлое – больно, а будущее бесплотно:
так чей ты и зачем, меня обставший свет?!

Что станет со мной, когда в твою скорлупку
я грузно опущусь и берег оттолкну?..
Что ты возьмешь взамен за утлую уступку?
Что скажешь мне, когда с лучом пойду ко дну?

Но я плыву на свет, а голова моя
всё смотрит, всё назад, всё тянется к родному..
Ты некогда цвела, горячая земля, –
но лучшие плоды я дал украсть из дому.

Но лучшие года, как столбики целковых,
поставил я на кон и проиграл за грош!
И старых не вернешь, и не дождешься новых,
и не попросишь в долг – поскольку не вернешь...

Пусть луч уходит в ночь, пускай скорлупка тонет, –
в душе очнулась течь... Пожизненный оброк..
У черта на кону, у бога на ладони
я тот же, что и был, – и вовсе не игрок!

1982

* * *

С. Ц.

Она ушла, и с нею вместе
его покинула любовь,
и – разрешеньем кровной мести –
в роду остановилась кровь.

И стало в том, чему он предан,
не больше смысла, чем вреда,
а то, что он однажды предал, –
недостижимым навсегда.

Он так и зажил – без опоры,
без сердцевины, без души.
Влюблялся изредка, но скоро
разочаровался. Жил.

Жил, как жилось, как получалось
вину с обидой примирить...
А где-то в космосе терялась
любви спасительная нить.

1982–1983

* * *

С. Ц.

«С любимыми не расставайтесь!..» –
 воскликнул поэт и уехал.
«Живите по зову сердца!..» –
 а сердце молчит давно.
«Поэмы писать не надо», –
 читаем в последней строчке..
«С любимыми не расставайтесь!..» –
 а их уж в помине нет.

Мы несколько истин добудем,
 и истины эти из жизни,
они нам не пригодятся,
 поскольку та жизнь – ушла,
но мы их расскажем людям,
 ведь истины эти – из жизни,
они им не пригодятся,
 поскольку та жизнь – не их.

1983

АРХАНГЕЛ ГАВРИИЛ ЗЛАТЫЯ ВЛАСЫ

Что грустен ты, мой свет, мой златокудрый вестник,
наперсник всех времен и всех миров наместник,
Что клонишь голову к крылатому плечу?
Иль ты устал от вечности безбрежной
и в бранный мир несешь огонь свой нежный
и ищешь, где зажечь ещё свечу?..

Архангел Гавриил, волосы твои златые,
уже обречены нашествию Батые,
но ты ещё не ведаешь того!
Твой нимб осыплется, морщины разбегутся
по трещинам, – и только те спасутся,
кого не осеняло божество!

1983

* * *

Не крещён и не обрезан, –
жалок, глуп или смешон, –
я от истины отрезан
и от света отрешён.

Так и шастаю по свету –
и уже не год, не три –
заведённою кометой
без поводыря внутри.

1984–1985

ОСТРОВ ВРАНГЕЛЯ

А. Богдановой

Свищет ветер на каторжном берегу,
высекая студёные слезы,
и к земле пригнетает побег
одолевшей любые морозы
нежно-карликовой целлюлозы.

И полярные маки и совы
машут вслед лепестками, крылами.
Все щеколды, затворы, засовы
никогда не откроются сами.

Как от стаи отставшая птица –
я сошел с обретённого галса,
и испытанный друг усомнится,
тот ли я, кем доньше казался?

Атлантиды полярный осколок,
останец неприкаянной суши!
Неужели я сизнова струшу?
Неужели гребенчатый полог
не прольётся сиянием в душу?..

1984–1985

КАРАИМСКОЕ КЛАДБИЩЕ ПОД БАХЧИСАРАЕМ

Над Иософатовой долиной,
чередою сумрачной и длинной,
тучи, как покойники, плывут.
Влагу из комков тракайской глины
тощие грабинники сосут.

Вперемежку с мрачными стволами –
тысячи озлобленных могил.
За широкими, шершавыми столами
всех гостей устроил Азраил.

И насквозь изъязвлены, изрыты –
на боку, плашмя иль накреньясь –
всюду плиты, плиты, плиты, плиты,
скважистые оспины иврита,
жал осиных рубчатая вязь.

По оврагу славы караимской
камнепадом вечности глухой
эскадроны смерти лихоимской
скачут на нестрашный суд земной.

И не в силах бег остановиться,
тучи накреньются вперёд.
И накрыл последнюю страницу
каменный, тиснёный переплёт.

Эта карбонатная порода,
пористый подлесок гробовой, –
всё, что уцелело от народа,
от его дороги гербовой...

1984

КУБАЧИ

Ночь, туман и Кубачи...
В слабом отблеске свечи
брезжит золото нам черни –
мутных окон свет вечерний.

Улей, кажется, заснул.
Соты, кажется, зарыты.
Что сказать тебе, аул,
облаком и сном накрытый?..

Два окошка – две свечи
в вязком войлоке одышном.
Зги не видно,
и не слышно
шороха...
И ты молчи!

Ночь, туман и Кубачи...

1984

РАЗГОВОР С СЫНОМ

Мерцает ёлка в трёх шагах,
роняя блески и иголки
усталые... А мы впотьмах
беседуем о пустяках, о всякой всячине на ёлке.

«Кто самый умный из зверей?..»,
«Кто самый (это ты зеваешь) –
добрый?..», «Кто, скажи, храбрей?..», –
и, не дослушав, засыпаешь.

А с ёлки сыплется хвоя,
уже не колкая, сухая...
Судьба, разлучница моя,
помедли – слышишь, тишь какая!

Помедли, слышишь?! Помолчи!..
Дай мне запомнить, наглядеться
на безмятежное в ночи,
на хрупкое, как шарик, детство.

...Ты спишь, мой мальчик, сладко спишь,
раскинув руки на подушке...
Когда ты вырастешь – простишь,
простишь ли взрослым их игрушки?..

Простишь иль нет, но ты поймёшь,
что жизнь живется, а не снится, –
и сам ты по своей пройдёшь,
и опалишь себе ресницы.

* * *

Есть близорукие высоты –
сквозь дымку брезжит шапка льда, –
недостижимые, как ноты
контроктавы для альта.

Ты прозевал своё призванье,
ты сам жар-птицу упустил.
В полнеба вспыхнуло сиянье –
ты спал, не набираясь сил.

Всему отыщутся причины,
всё вытерпит незрелый стих.
Есть недоступные вершины –
они у самых ног твоих.

1984

БОЛЬНИЦА № 7

Памяти Р.М. Цеханской

1

Когда на глазах твоих плоть истлевают
и рана чужая горит,
твоих – ни кровиночки не истекает,
лишь гложут усталость и стыд;

когда ты стоишь у обрыва земного
и многое волен понять,
но жертвуешь малым, а главную жертву
сподобился взять, а не дать, –

тогда не оставит тебя и в концерте,
повсюду гремя над душой:
«Скажи, а готов ли ты к собственной смерти –
мучительной, страшной, чужой!?!..»

2

...Теперь и не вспомнить, когда и с какой же
треклятой нуждою такой,
ты вынул из сердца – на сердце похожий –
единственный свой золотой.

В тот миг, рассчитавшись, – не зажил ты снова,
лишь сдачей карманы набил.
Пустил в оборот неразменное слово
и душу свою разорил.

Напрасно сжимаются губы в ухмылку –
потери твои велики.
Сегодня разбили тебя, как копилку, –
и стыдно считать медяки.

1984

ПАМЯТИ А.Б. ВИШНЯКА

Блажен, кто жизнь прожил сполна,
судьбе и веку не переча,
в ком мысль и чувство – как одна
волна, а не крутая сеча.

И на прощанье не отнять
нечастых праздников общенья.
Но есть и в смерти благодать
и светлое предназначенье.

Страшны те муки, что ты нес,
и руки, что прозрачней слез, –
но свет из глаз до боли милых!..
И, может, нескольких из нас
ты чудной силой этой спас,
а мы спасти тебя – не в силах.

1984

1
9
8
5

1
9
8
7

* * *

С. Ц.

«Блажен, кто находит подругу –
тогда удались он домой»

(А.С. Пушкин, 1834)

...И я повторю без испугу,
как будто в предвечный покой:
«Блажен, кто находит подругу –
тогда удались он домой»!

Вот дом твой и вот твоё место,
но ты одинок, словно перст.
Не жизнь, а сплошная фиеста
на тысячи судеб окрест...

Блажен, кому на сердце ляжет
простая, заботная тишь.
Блажен, кому сердце подскажет
единственную из крыш.

И жалок слепец суетливый
с его бечевой круговой.
Он трижды разлюбит, трусливый,
и трижды заплатит, скупой!

1985

ПАМЯТИ АРКАДИЯ ШТЕЙНБЕРГА

Прощай, прощай, учитель мой весёлый!
Мы не увидимся уж больше на земле,
Вдоль берегов раскиданные сёла
погасли и растаяли во мгле.

Все кончено? – Конечно! –
И твой ясный,
прощальный взгляд стремнина отнесла.
И смерть твоя, как жизнь, была прекрасной,
ты сам хотел такую – у весла.

Прощаемся? – Что делать...
– Там простимся,
обнимемся в последний раз!
Смерть – род покоя, что же мы стучимся
в её покои в неурочный час?

Потоком вольным, юным и холодным
вспоминанья хлынут на луга.
Да будут этим хотчинским подобны
тебе летейски берега!

Пусть ветер треплет чистые страницы,
младенец видит море за кормой,
и вспыхивают частые зарницы
над первую дорогой и второй.

1985–1987

* * *

Ты сбеги дорожкой торной
до ключа,
ты черпни водицы горной
сгоряча!

Опусти на дно криницы
перстенок,
чтоб серебряною птицей
пел и тѣк,
чтоб на солнечном изломе
он сверкнул,
чтобы поселились в доме
блеск и гул!..

...Но душа уже не рада,
жжёт в груди.
Не стыди меня, прохлада,
не студи.

Вот упал фонтанчик серный
набекрень –
не серебряной, а чёрной
стала чернь.

И пускай вспорхнула птица
наутёк –
всё равно не замутится
руччйк.

1987

ПАМЯТИ ЕКАТЕРИНЫ ЛИВШИЦ

Так вот каков он – праздник скифский!
Каэр без права переписки
И с конфискацией семьи!
 А ненасытная медуза
 Над каждой люлькою Союза
 Свивает щупальцы свои

И произнёс убийца Бена:
«Иди, ищи ему замену.
Глядишь, и я тебе сгожусь?..»
 Но нет, не общая природа
 У слуг и у врагов народа:
 «Я с мёртвыми – не развожусь!»

2 декабря 1987

2
0
0
8

2
0
1
2

СЕНГИЛЕЕВСКИЙ СПУСК

Памяти Жени Пермякова

В тот миг, когда подъём на спуск
Дорога с радостью меняла,
На Сенгилеевский на спуск
Судьба, как на курок, нажала.

Переглянувшись с красотой,
Ты словно бы коня пришпоришь
И вниз рванешь – навстречу той, –
с кем не поспоришь!..

Руль вырывается из рук,
небесная тускнеет смальга...
Не защитят ни шлем, ни друг
От равнодушного асфальта.

Не защитят ни друг, ни шлем
от бесшабашности спирали.
А неба нет уже совсем,
лишь крутятся в траве педали.

И руки тянутся назад,
как будто руки виноваты...
И как теперь твой чистый взгляд,
Твой детский, твой подслеповатый,
поймать, – скажи?..

2008-2012

УМАНЬ И БАБИЙ ЯР

Триптих

1

...Гул молитвы, базарная ругань,
помесь святости со шпаной.
Гайдамацкая, гойская Умань –
с Йом-Кипуром, блин, с Рош-Ха-шаной!

Этот гул – он уже не затихнет,
Посмотрите на эту толпу..
«А Вы тоже религии ихней?» –
Полицейский, дающий кипу.

Сколько жизни в могиле зарыто!
Реббе Нахман, давно ли Вы тут?
Двести лет без кола и защиты
пролетели, как двадцать минут.

И свиваются пейсы в колечко
визави фантастических сцен.
На неделю свернулся в местечко
Этот польско-радецкий райцентр...

И хасиды бредут, как в исподнем,
в помраченьи своем новогоднем,
бьют поклоны, качают права!..
С Новым Годом, блин! Шана-товá!

2

...О евреях ни слуху, ни духу.
Тишина, словно кляп, на слуху.
Здесь скосило не только мишпуху,
Но и треснувшую галаху.

Грош цена этой крови из ступки,
раз пристреленный пулемет
двадцать тысяч убитых за сутки
Прошивает навывлет и влёт.

Синагога под небом разрытым,
раскуроченным, как Бытиё.
Столько смерти в овраге сокрыто,
Что ничто не удержит её!

И на выходе из каверны
Только кости и черепа.
Нет защиты от пульпы и скверны,
гидрография не слепа.

Эксгумированное преданье,
слева кривда и справа ложь...
И беспамятства напластованья
Экскаватором не свернёшь.

3

...Только Умань и в ус не дует,
отбивает молитвенный шаг.
И хасидский трансфер минует,
Не заедет на тот овраг.

Неподвластные укоризне,
Новогодние схлынули дни.
Занесённые в Книгу жизни,
Книгу смерти забыли они.

И в расколоте неба незрячем
нам чужая резня нипочем...
И не молимся мы, и не плачем
между жертвами и палачом.

Одиночество горней меноры,
коры памяти, дыры и норы.
И неяркого яра огни –
Навсегда остаются одни.

От Завета и до Совета
Ни могилки, ни плошки света.
Каркнул ворон своё «Nevermore!..»
Жидомор и историомор.

2009–2012

ПОНАРЫ

(по мотивам чужого подстрочника)

М.Г. Рольникайте

В тот полдень обыденный, солнечный, сочный
Украсилась почва фатою цветочной,
И птицы звенели в небесной купели,
И пыльные камни сквозь травы блестели...

Идет по дороге детей вереница.
Ошпарены страхом прекрасные лица.
А сзади несёт свое грузное тело
Литовский эсэсман на грязное дело.

Кровавое действо уже предвкушая,
Он смотрит в затылки Рахильки и Шая.
Достичь совершенства в искусстве расстрела –
Его, патриота, первейшее дело.

«Куда ты ведёшь нас, лесная дорога?» –
Спросила у ели Рахиль-недотрога.
Ответил, осклабясь, эсэсовец строю:
«Местечко вам бог присмотрел неплохое».

И шуткой своей чрезвычайно довольный,
Затвор передёрнул он, двоечник школьный.
Катаются жилы по шее по бычьей –
Счастливый палач со своею добычей.

Куда ты, дорога? – В предместье, в Понары. –
По нары и тачки? – По пули и яры! –
...И дети идут, разобравшись по парам,
Понурой шеренгой навстречу Понарам.

...Кричит им палач: «Жидовня, раздевайтесь!
Мы все здесь свои, сосунки, не стесняйтесь!»
И сняли одежду, и ножки разули –
Чтоб хилые тельца подставить под пули.

А ров уж заполнился наполовину –
Родимые лица, и руки, и спины,
Любимые мамы к обрыву подходят
Хлопок – и их нет, и уж новых подводят.

Вот встала к обрыву и мама Рахили –
краса из красавиц, каких народили.
Одежду сняла и косу распустила,
И с вызовом смотрит в глаза крокодилы.

Убийце не выдержать этого взгляда –
отводит глаза, не отводит приклада.
Услышав «Огонь!», он спускает курок, –
И пот утирает отважный стрелок...

И всё – никого не осталось от группы.
Землёю присыпаны свежие трупы.
Гадюка ползет по кровавой росе.
В Понарах, в Понарах расстреляны все!

О том, что свершилось у них на глазах,
Деревья и птицы шептались в слезах.
Лес негодовал в осквернённой красе:
В Понарах, в Понарах расстреляны все!

И будто бы реквием в небе звучит. –
То ветер по соснам дремучим стучит
И ноты скрипучие сходу берёт...

Но кто их услышит? Кто переведёт!?..

2011

ПОДСОЛНУХ (Стансы)

1

...Межокеанским окоёмом,
преград не чуя и греха,
стихией мчатся по разломам
по наущению стиха,
по глобусу вслепую шаря,
границы перестав считать,
из западного полушарья
в восточное перелетать...

2

...Всегда манищ и интересен,
но, отрешившись от преград, –
мир стал неудержимо тесен,
и плотоядно грешен взгляд.
Под взмахи полнолуний полных,
под вздохи рук – не потому
ли к солнцу тянется подсолнух,
что солнце тянется к нему?

3

...Ни на какой миллиметровке
ты не прочертишь тот чертёж,
пока по ненадежной бровке
на берег тайный не придёшь.
Там вырываются из щелей,
фонтаны брызг, полулюбя, –
и, в облаке туманных целей,
ты возвращал себе себя.

4

...Чем это было? Наважденьем
двух шелковистых полусфер?..
иль жерл подводных изверженьем?
нагроможденьем скал и шхер?
Чем это было? Синекурой?
Времянкой, снятой на века?
Неправленою партитурой?
Черновиком чистовика?

5

...И ссоры долго не держались,
и притирались берега,
пока к раствору не мешались
подспудной ревности снега.
Как с этой вольницей невольной
ни начинай и ни кончай,
но в той пучине треугольной
мы утопали невзначай.

6

...Мы праздника себе хотели,
и праздник сел у ног на раз.
Мы вместе столько одолели,
но будни одолели нас.
Средь этих бурь, средь сфер покатых
нам просиял и скрылся свет...
И нет у магмы виноватых,
и правых нет... И правды нет.

2011–2012

ВОЛЬНЫЕ СТАНСЫ ОТЦУ

1

Расставлены фигуры на доске,
и пешка проплыла на е4...
Но сколько ни заламывай в тоске
хрустящих рук, не отзовется в мире
уже никто на запоздалый зов:
«Сыграем, батька?»...

Пущенное время

Всё, без остатка, утекает в ров...
Флажок упал, и опустело стремя
того коня...

2

Твоей руки уж не согрею я,
твоей улыбки больше не увижу,
подушку не поправлю,
и земля
всё надвигается – страшней, сплошнее, ближе.
Вся вытекла подземная река,
взялся – ходи, без права на ошибку...
Родимая отцовская улыбка,
любимая отцовская рука...
Уж не согреть...

3

...И в пять утра раздался телефон.
То был не ты, а вестник Азраила.
Был короток и недвусмыслен он,
но весть, как шах и мат, сразила.
Ведь только кажется, что ты всегда готов,
когда ни грянь, – а ты всегда в порядке,
сын старика, чьи стоптанные тапки
уж не зашаркают...

4

И, скрещивая руки на груди,
как будто руки к гробу привыкали,
ты что-то ясно видел впереди
такое – что всю жизнь не примечали.
...А ветер в поредевших волосах
всё треплет пряди космоса родного...
Всё явственней помехи в голосах...
Расставлены фигуры в небесах...
Чей ход?..

2011–2012

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	5
------------------------	---

1970–1972

«Купила мать живую рыбу...».....	11
Органный чин.....	12
«Раздроблено время в песок без остатка...»	15
Ноябрь	16

1973–1976

«Как сыро позади!..»	19
Москварь	
1. «Стада закатов сечь крестами...»	20
2. «А в Столешниковом ночью...»	20
3. «В тысячелюдном доме...».....	21
«Пока мы говорили – рассвело...»	22
Разговор с Грином	
1. «Меняет снасти, чистит трюмы...»	23
2. «Страдалец – по волнам бегущий...».....	23
3. Старый Крым	24
Новый год	25

«Всё, что я в жизни раздобыл...»	26
Фанагория	27
Луковня	28
Комариные реки	
1. «Гудят поёмные луга...»	29
2. «Белёсых суток считывая гранки...»	29
3. «Когда отходит август по стерне...»	30
«Все, что сеем, – взойдёт...»	31
«Речка Колокша ль виновата?..»	32
Клавир	
1. «...А пальцы – в захрустальном напряженье...»	33
2. «Вот Куперена оперенье...»	33
Пиросмани	
1. «Налево – клеенчатый воздух...»	34
2. «Когда б ни родни кривотолки...»	34
«...В наш дерзкий век инструкций и колготок...»	36
Памяти Исаака Маергойза	37
Из Райнера-Мария Рильке (<i>Из книги «Часослов»</i>)	
«Как много братьев у меня на юге...»	38
«Не нам тебя писать по произволу...»	38
«Я так люблю ту сумрачную пору...»	39
«Я за тобой давно уже слежу...»	40
«И ты ждешь пробуждения камня...»	41
«И час изогнулся, коснулся меня...»	41
«Я жизнь полюбил за широкие круги...»	42
«Могучий вздох. Могучий выдох...»	43
«Вновь на полу рассыпана картошка...»	44
«Я негордое время вспомню...»	45
«Ты ушла в телефонные дали...»	46
Донской монастырь	47

«Жена стирает форменные брюки...»	48
«У твоей подруги – умная душа...»	49
Зимние ночи	50
Коктебельские камушки	
1. «Слышны седые разговоры...»	51
2. «Как редко в небо поднимаем...»	51
Ты далеко...	53

1977–1980

С тобою	57
«Пока утешеньем последним...»	58
«Черемухой обмахивайся, май...»	59
«Не умолкает в сумерках поток...»	61
«Луна летела вслед за электричкой...»	63
Из Вильяма Шекспира. <i>Сонет 129</i>	64
Из Райнера-Мария Рильке (<i>Из «Книги картин»</i>)	
Песня любви	65
Теряевская слобода	66
«Бело-синяя гжель на комодe...»	67
Памирская двойчатка	
1. «В могучие русла въезжаю...»	68
2. «...И горные вызубрив тропы...»	68
«Наши речи прямы, но бракованы мысли до вздоха...»	70
Ботанический сад в Тбилиси	
1. «Как странно мне наследовать чужое...»	71
2. «Мы копим соли горные кристаллы...»	72
3. «Я разлюбил подсматривать за лесом...»	73

Зедазени в тумане	74
В мастерской.....	75
Из Галактиона Табидзе	
«Уходишь... И муки уносишь...»	76
Из Райнера-Мария Рильке (<i>Из «Новых стихотворений»</i>)	
Молитва.....	77
Маленькая поэма	
1. Пролог.....	78
2. Весна.....	79
3. Лето.....	79
4. Осень	80
5. Зима	80
6. Эпилог.....	81
7. Кода.....	81
Стрижи	82
У старых друзей	
1. «С двумя бутылками дешевого “Эрети”...»	83
2. «Мой странный друг, тиха твоя квартира...»	83
Экспромт.....	84
Лыжная прогулка.....	85
Два имени	86
Ботанический сад.....	87
Невские стихи	88
Тракай.....	89
Сад Муштаид.....	90
«Хранит ли губка влаги той следы...»	91
Переделкино	92
Из Райнера-Мария Рильке (<i>Из «Книги картин»</i>)	
Осень.....	93

Из Райнера-Мария Рильке (<i>Из книги «Жертвы ларам»</i>)	
Осеннее настроение.....	94
Из Генриха Гейне (<i>Из книги «Лирические интермеццо»</i>)	
«О, как прекрасен образ твой!..»	95
«Улыбчивым летним утром...»	95
Кубачи	96
Тарусские стихи	
1. «Вслепую, наугад, поодиночке...»	98
2. «Когда в душе смятение и мука...»	99
3. «Мы ещё долго будем пахнуть дымом...»	99
4. «Благоухало лето...»	100
Востряково	102
Юминское	
1. «Сквозь разрывы кувшинок влажных...»	103
2. «Прошелестела всей листвой...»	103
3. «(Подражание древнекитайскому)»	104
Картинка	105
Окно.....	106
«Куда ты, милый, не спеши...»	107
Сентябрь.....	108
«Преодолей соблазн страницы...»	109
Художник (<i>Подражание Ахматовой</i>)	110
Фотограф	
1. «И даже каменная лестница – скрипит...»	111
2. «...И пристального взгляда окуляр...»	111
Стена.....	113
Линия жизни	114

1981–1984

«Я бы должен догадаться...»	117
Стансы.....	119
Гунибские строфы	
1. «Над Гунибом застыла луна...»	122
2. «Что за слово такое – Гуниб?..».....	122
3. «...Ну а ты? Что же выпало нам?..»	123
«Вот и пройден порог високосный...»	124
«Ни случайная ласка...»	125
Памяти Н.Я. Мандельштам.....	126
Стихи о Неизвестном поэте	
1. «...На раскопе большого скандала...»	127
2. «Меловые столовые горы...».....	128
Фарнаоз	129
«Один сказал душе: живи бесповоротно!..»	131
«Она ушла, и с нею вместе...»	132
«“С любимыми не расставайтесь!..” ..»	133
Архангел Гавриил Златыя власы	134
«Не крещён и не обрезан...»	135
Остров Врангеля	136
Караимское кладбище под Бахчисараем	137
Кубачи («Ночь, туман и Кубачи...»)	139
Разговор с сыном.....	140
«Есть близорукие высоты...»	141
Больница № 7	
1. «Когда на глазах твоих плоть истлевает...»	142
2. «...Теперь и не вспомнить, когда и с какой же...»	142
Памяти А.Б. Вишняка	144

1985–1987

«...И я повторю без испугу...».....	147
Из Райнера-Мария Рильке (<i>Из «Книги картин»</i>)	
«Смерть велика, а мы лишь целина...»	148
Памяти Аркадия Штейнберга	149
«Ты сбеги дорожкой торной...».....	150
Памяти Екатерины Лившиц	152

2008–2012

Сенгилеевский спуск.....	155
Умань и Бабий Яр. <i>Триптих</i>	
1. «...Гул молитвы, базарная ругань...»	156
2. «...О евреях ни слуху, ни духу...»	157
3. «...Только Умань и в ус не дует...»	158
Понары (<i>по мотивам чужого подстрочника</i>).....	159
Подсолнух (<i>Стансы</i>).....	162
Вольные стансы отцу.....	165

* * *

Профессия Павла Нерлера (он географ) даёт ему возможность увидеть местность новыми глазами, а точное знание ландшафта – проникнуть в первоисточник, в первопричину красоты пейзажа. Отсюда и свежесть словаря Павла Нерлера, живая беглость рисунка, например, Большеземельской тундры, где «берегом смородина бредет, уремный мед с багульником мешая».

В ассоциациях автора есть недостающие звенья, надо вчитаться в стихотворение, чтобы понять, почему автора течение несет «вниз по реке и вверх по букварю»: ведь в родном Подмосковье, где автор вырос, и так возникают начальные слова детства: заря, букварь. Стих – слово – так воплощается в предмет, что и мартовская пашня кажется вчерне написанной строкой, а кувшин с недопитым вином, как живое существо, то засыпает, то просыпается... Стихотворец понимает, что пространства, им исхоженные, живут во времени...

Семен Липкин

* * *

Я читаю:

Как редко в небо поднимаем
Мы удивлённые глаза...

Это попрёк или предупреждение? И то и другое. Нас уверяют, что от мелочей быта мы должны обратиться к высотам бытия. Одухотворенность – вот что, прежде всего, мне хочется выделить в стихах Павла Нерлера...

У Павла Нерлера жажда жизни сочетается с жаждой познания культуры. «Я с греками дружбу водил, и солнца сияли над нами...» – ему важно проникнуть и в мир грузинского зодчества, и в старину русского Севера...

Лев Озеров

* * *

...Самобытность Нерлера как поэта проявляется главным образом в его «любовных» стихах:

...Твой сон и неглубок, и вязок....
Без слёз, без жестов, без подсказок
Ты правотой меня поишь.

На этом примере заметно, что П. Нерлер строит свою строфу (а строфика – один из признаков его поэзии) непринужденно и легко, очень часто на одном дыхании.

Его поэзия почти всегда – поэзия словесная, филологическая. Он любит поиграть словом, зааллитерировать стих или два-три соседних стиха. Он находит *смежные* ощущения, одно ощущение, влекущее за собой другое...

Арсений Тарковский

Нерлер Павел Маркович
Високосные крúги
Стихи 1970–2012 гг.

Технический редактор *А. Ильина*
Корректор *Н. Кондратьева*

Подписано в печать 25.02.13. Формат 70x108/32
Бумага офсетная. Гарнитура Петербург
Печать офсетная. Печ. л. 5,5
Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство «Водолей»
127254, г. Москва, ул. Гончарова, 17-А, кор. 2, к. 23
Официальный сайт: <http://www.vodoleybooks.ru>
E-mail: info@vodoleybooks.ru

9 785917 163153 0

